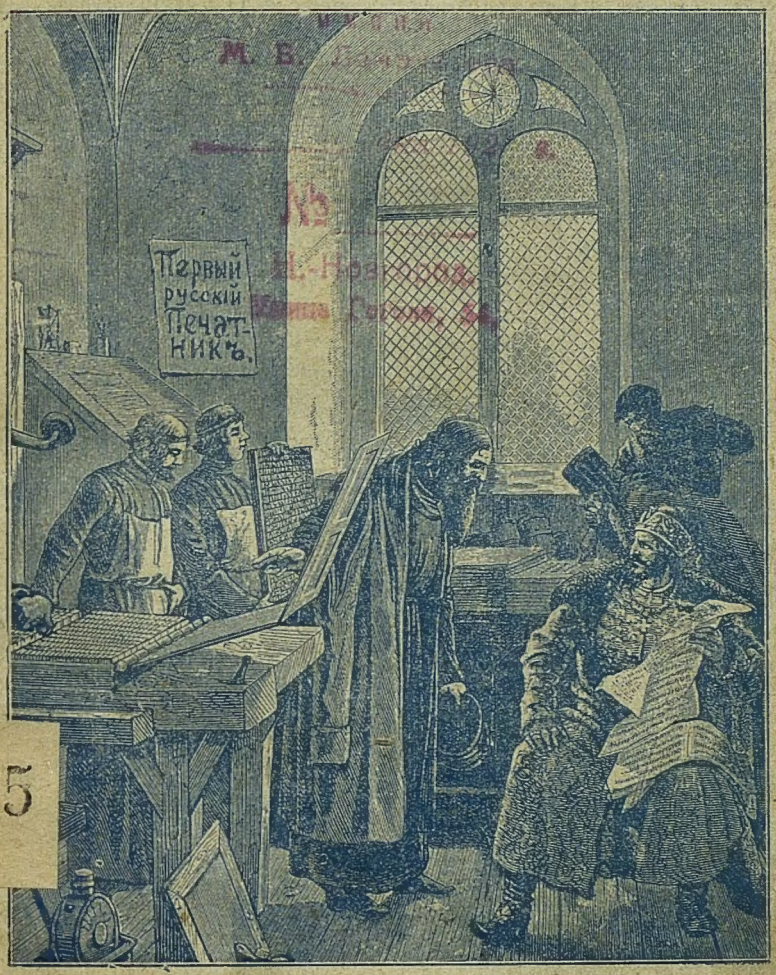
E18
37

E18 / 37
Хр 27
Сис 64
№ 22

Е. ВОЛКОВА.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕЧАТНИКЪ

Советская Школа



23075

Св. Синодомъ для церковно-приходскихъ школъ.

Допущено Мин. Нар. Просв. въ ученич. библ. низшихъ школъ.

«Книжка за книжкой», кн. 166-ая.

Цѣны означены **„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ“.** безъ пересылки.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ (кн. 1—80). Цѣна всей серіи 11 р.

I. Повѣсти, разсказы, драматическія произведенія.

1. Маминъ, Д. Н. *Вольный человѣкъ.* 5 к. **2. Маминъ, Д. Н.** *Кормилецъ.* 7 к. **3. Маминъ, Д. Н.** *Въ ученьи.* 10 к. **4. Станюковичъ, К. М.** *Куцый.* 10 к. **5. Савихинъ, В. И.** *Аникавоинъ.* 15 к. **6. Прусъ, Б.** *Михайло-простота.* 7 к. **7. Оржешко, Э.** *Юліанка* 10 к. **8. Оржешко, Э.** *Ходатай.* 12 к. **9. Оржешко, Э.** *Въ зимній вечеръ.* 8 к. **10. Сенкевичъ, Г.** *Побѣдитель.* 10 к. **11. Сенкевичъ, Г.** *За моремъ.* 7 к. **12. Зандъ, Ж.** *Маленькая колдунья.* 10 к. **13. Мериме, Пр.** *Черный царь.* 8 к. **14. Сентинъ.** *Малютка.* 15 к. **15. Лоти, П.** *Рыбаки.* 10 к. **16. Іенсенъ.** *Королева шведская.* 10 к. **17. Уйда.** *Гарчукъ.* 8 к. **18. Уайтъ.** *По совѣсти.* 10 к. **19. Ауэрбахъ.** *Какъ громоотводъ ставили.* 8 к. **20. Лаффранъ.** *Жизнь за ласку.* 10 к. **21. Бьернсонъ.** *Славный парень.* 10 к. **22. Диккенсъ.** *Три дня.* 10 к. **23. Круммахеръ.** *20 притчъ.* 10 к. **24.** *Услуга за услугу* 10 к. **25.** *Гибель «Медузы».* 12 к. **26.** *Изо дня въ день.* 8 к. **27.** *Судья передъ судомъ.* 7 к. **28—29.** *Добрый смѣхъ—не грѣхъ.* Два сборн. шутл. разсказ. по 25 к. Оба—50 к. **30.** *Пройдоха.* Шутка для нар. театра. 15 к. **61. Мольеръ.** *Скупой.* Комедія (въ приспособл. для народ. театра). 20 к. **62. Ауэрбахъ, Б.** *Сирота.* 15 к. **63. Оржешко, Э.** *Романиха.* 10 к. **64. Оржешко, Э.** *Тяжкій грѣхъ.* 10 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

31. П. Д. *Пословицы, притчи и басни.* 10 к. **32.** *Пятьдесятъ басенъ Крылова.* Съ простран. объясн. 30 к. **33.** *Отецъ и сынъ.* 12 к. **34.** *Поздній даръ.* (Къ сказанію «Отецъ и сынъ»). 10 к. **65.** *Раздумье.* Нѣсколько стихотвор. съ поясненіями. 5 к.

III. Естествознаніе и техника.

35. Слѣпцова, М. *Муравей-чудодѣй.* 10 к. **36. Слѣпцова, М.** *Вымирающіе богатыри.* 15 к. **37. Слѣпцова, М.** *Обезьяны.* 15 к. **38. Слѣпцова, М.** *Пауки.* 20 к. **39. Слѣпцова, М.** *И въ червѣ толкъ.* 8 к. **40. Слѣпцова, М.** *Изъ-за перьевъ.* 5 к. **41. Слѣпцова М.** *Дерево здоровья.* 10 к. **42. Слѣпцова, М.** *Жилища птицъ.* 60 к. **43. Слѣпцова, М.** *Дерево и лѣсъ.* 15 к. **44. Слѣпцова, М.** *Оспа и Дженнеръ.* 10 к. **45.** *Скопа.* 5 к. **66. Александровъ, А.** *Что за сила въ грозѣ.* 15 к. **67. Слѣпцова, М.** *Змѣи.* 25 к. **68. Слѣпцова, М.** *Заяцъ.* 5 к. **69. Слѣпцова, М.** *Какъ воюютъ между собою растенія.* (По Кону). 8 к. **70. Слѣпцова, М.** *Соль.* 25 к. **71. Д-ръ Зененко, В.** *Кровь.* 15 к. **72.** *Картофель.* 10 к. **73.** *Откуда взялись камни.* 15 к.

IV. Земля и люди.

46. Коропчевскій, Д. А. *Арапы.* 15 к. **47.** *Широкая степь.* 12 к. **48. Лавровъ, М.** *Кочевники.* 10 к. **49. Деполовичъ, П.** *Разсказы о землѣ Аравійской.* 40 к. **50. Слѣпцова, М.** *Разсказы о Норвегіи.* 30 к. **51.** *Люди подземнаго міра.* 20 к. **52.** *Водопады.* 15 к. **53. Масалджи.** *Путеводные огни.* 15 к. **54.** *Студеное море и его льды.* 15 к. **74. Смирновъ, А. П.** *Въ глуши.* (Очерки Кареліи). 15 к.

V. Исторія, біографіи, сказанія и проч.

55. *Записи о былямъ.* 12 к. **56. Деполовичъ, П.** *Витязи сѣвера.* 30 к. **57.** *Первые князья русскіе.* 15 к. **58.** *Сказанія о вѣщемъ Олегѣ.* 10 к. **59. Корсунскій, П.** *В. Франклинъ.* 20 к. **60. Корсунскій, П.** *Счастливый уголокъ.* 15 к. **75.** *Колдуны и вѣдьмы.* 15 к. **76.** *Киръ—царь персидскій.* 15 к. **77.** *Египетъ.* 35 к. **78.** *Невистовый Камбизъ.* 10 к. **79—80.** *Изъ народныхъ сказаній.* I. Неткро-розовыя щечки. 5 к. II. Сокровища царя Рамзеса. 7 к.

СЕРІЯ ВТОРАЯ (кн. 81—100). Цѣна всей серіи 4 р.

I. Повѣсти и разсказы.

81. Савихинъ, В. *Пробужденіе.* 12 к. **86. Мопасанъ,** *Чертовы люди.* 8 к. **88. Серао, М.** *Вопль ребенка.* 12 к. **93. Бурдъ.** *Старое и новое.* 15 к. **94. Гартманъ, М.** *Цѣлитель.* 10 к. **98. Уилькинсъ, М.** *Отъ нужды къ достатку* 25 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

91. Шекспиръ. *Король Иръ,* Переводъ А. Слѣпцова, съ поясненіями, 40 к.

III. Естествознаніе.

82. Слѣпцова, М. *Охранители лѣса* 15 к. **85. Павлиновъ, Л.** *О зубахъ.* 5 к. **92. Слѣпцова, М.** *Морскія водоросли.* 10 к. **97. Д-ръ Зененко.** *Какъ человѣческое тѣло приспособлено къ движенію.* 25 к. **100. Карпантье,** *Царство животныхъ.* Переводъ, значительно измѣненный подъ ред. проф. В. Шимкевича. 45 к.

E18 37
Рижская женская гимназія №х № 95
№ 27 сх. 64
Ю. 123075

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕЧАТНИКЪ.

Историческій разсказъ изъ временъ царя Ивана Васильевича Грознаго.

ГЛАВА I.

Царь Иванъ Васильевичъ IV въ Золотой палатѣ ожидаетъ датскаго посла.

Золотая палата предназначалась для пріема пословъ и для другихъ дворцовыхъ церемоній. Торжественно вступилъ въ нее, окруженный своими боярами, царь Иванъ Васильевичъ IV. Дѣло происходило въ 1553 году, и царю было въ то время только 23 года. Это былъ красивый, статный юноша, съ правильными, выразительными чертами лица, съ смѣлымъ орлинымъ взглядомъ прекрасныхъ, тем-

Госуд. Публичная историческая библиотека РСФСР № 21061 1967

ныхъ глазъ. Онъ былъ одѣтъ въ широкую одежду изъ золотой парчи, богато расшитую жемчугомъ, голову его покрывала сверкающая драгоцѣнными камнями шапка Мономаха, изъ-подъ собольей опушки которой выбивались пряди его густыхъ черныхъ волосъ. Въ рукахъ у него былъ золоченный, украшенный камнями и жемчугомъ, посохъ. Медленно направляясь къ своему мѣсту, царь смотрѣлъ на живопись, украшавшую своды палаты надъ его рѣзнымъ позолоченнымъ трономъ. Краски были свѣжи, ярки, стѣнопись была недавно окончена итальянскими художниками. Съ лѣвой стороны царскаго мѣста въ полукружіи стѣны былъ изображенъ индѣйскій царевичъ Іоасафъ, который сидѣлъ «на престолѣ златѣ»; его молодое лицо выражало душевное смятеніе, глаза съ напряженнымъ вниманіемъ были устремлены на пустынника Варлаама, который сидѣлъ передъ нимъ тоже «на престолѣ златѣ». Лицо пустынника было сурово, глаза строго глядѣли на молодого царевича, онъ какъ будто поучалъ его, какъ будто звалъ его куда-то. А рядомъ съ этой картиной изображены были тѣ чудныя притчи, которыми поучалъ пустынножитель индѣйскаго царевича, притчи о сѣятелѣ, о небесномъ царствіи, о богатомъ и убогомъ Лазарѣ, —всѣ онѣ были изображены въ лицахъ. А вотъ и притча о заблудшей овцѣ. Притча повѣствовала о томъ, какъ исполняются радостью небеса о единомъ кающемся грѣшникѣ противъ девяноста девяти праведниковъ, не нуждающихся въ покаяніи.

Въ этомъ кающемся грѣшникѣ, въ этомъ молодомъ царевичѣ Іоасафѣ, царь Иванъ узнавалъ себя, а пустынникъ Варлаамъ былъ не кто иной, какъ его главный совѣтникъ, Благовѣщенскій попъ Сильвестръ. Да, это онъ, молодой царь, это его поучалъ попъ Сильвестръ, ему говорилъ притчи о сѣятелѣ, о заблудшей овцѣ, его порицалъ за порочную, безпорядочную жизнь, за нерадѣніе его о землѣ Московской...

Это было шесть лѣтъ тому назадъ, въ годъ его вѣнчанія на царство, въ тотъ ужасный годъ, когда страшный, небывалый пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Москвы. Тысячи москвичей остались тогда безъ крова и безъ хлѣба. Пошли по Москвѣ разные слухи; говорили, что лихіе люди колдовствомъ напустили бѣду на Москву; начались народныя волненія... Обвиняли въ несчастіи нелюбимыхъ бояръ и въ особенности родственниковъ царя, князей Глинскихъ, которые завѣдывали всѣми дѣлами въ государствѣ и творили всякія насилія и неправды.

Человѣкъ твердаго характера, умный и благочестивый попъ Сильвестръ заговорилъ тогда съ юнымъ царемъ.

«Толпа права, когда жалуется на притѣсненія, —говорилъ онъ. Толпа права, грозно требуя суда и правды... Ты —*государь*, тебѣ власть дана отъ Бога для того, чтобы заботиться о благѣ своего народа... а ты что дѣлаешь!.. Тратишь свое время на грубыя по-

тѣхи, думаешь только о забавахъ, а народъ страдаетъ подъ властью корыстолюбивыхъ бояръ. Они царскимъ именемъ творятъ беззаконія и всякую неправду. Пора бросить свою порочную жизнь, пора вспомнить о своихъ высокихъ обязанностяхъ, вникнуть самому во всѣ дѣла государственныя; дай своему народу судей праведныхъ, искорени въ своемъ царствѣ зло и неправду! Этотъ опустошительный пожаръ и страшное волненіе народа—это испытаніе Божіе, это предостереженіе, государь. Ты еще молодъ, передъ тобой цѣлая жизнь, есть много времени, чтобы искупить грѣхи своей молодой, неопытной жизни. Богъ съ радостью приметъ раскаявшагося грѣшника!».

Долго говорилъ попъ Сильвестръ, увѣщевая молодого царя, и слова его не пропали даромъ...

Съ той поры все пошло по другому. Въ душѣ молодого царя произошелъ крутой переворотъ, онъ внялъ словамъ попа Сильвестра, онъ рѣшилъ исправиться и всей душой отдаться своимъ высокимъ обязанностямъ. Съ Лобнаго мѣста онъ просилъ у народа прощенья за тѣ беззаконія, которыя творились его именемъ, онъ давалъ народу обѣщаніе быть ему «судьей и обороной», уничтожить въ Московской землѣ зло и неправду. И онъ старался сдержать свое слово... Повсюду закипѣла работа, были пересмотрѣны всѣ законы, исправлены и дополнены, были смѣнены, запятнавшіе себя насиліемъ и лихоимствомъ, чиновники, созваны были со всей

земли избранные люди для того, чтобы этотъ «земскій соборъ» могъ обсуждать разныя дѣла. Было обращено вниманіе и на церковныя дѣла, въ которыхъ было много «нестроенія и смуты»; для рѣшенія ихъ въ 1551 году созывался соборъ «Стоглавый». Во всѣ дѣла вникалъ юный царь, всюду хотѣлъ ввести порядокъ и справедливость. Лучшія чувства наполняли его душу, смѣлые замыслы, широкіе планы волновали его въ то время...

Вотъ и теперь... Царь явился въ Золотую палату, чтобы принять здѣсь посла датскаго короля Христіана III. Сильно уже чувствовалась въ то время въ Москвѣ необходимость сблизиться съ Западомъ: лучшіе люди начали понимать цѣну знанія; сказывалась нужда въ знающихъ иностранцахъ, въ «хитрыхъ мастерахъ», какъ называли ихъ тогда. Еще въ годъ своего вѣнчанія на царство, молодой царь поручилъ нѣмцу Шлитте навербовать за границей въ русскую службу этихъ «хитрыхъ мастеровъ», знающихъ разныя искусства и ремесла, зодчихъ, литейщиковъ и прочихъ. И другого рода свѣдущіе люди понадобились царю. Давно уже на Западѣ было заведено книгопечатаніе, а на Руси книги были все еще рукописныя. И того же нѣмца Шлитте царь, между прочимъ, просилъ привести свѣдущаго *друкаря* *) т. е. типографщика, который научилъ бы русскихъ людей типографскому дѣлу. Но сосѣди Московской земли, ливонцы, зорко слѣ-

*) Друкарь отъ нѣмецкаго слова, означающаго «печатня»

дили за тѣмъ, чтобы не проникали въ нее изъ западныхъ странъ никакія знанія, никакія искусства: страшна становилась Московія своимъ западнымъ сосѣдямъ, боялись они, какъ бы знанія и искусства не усилили ее еще болѣе.

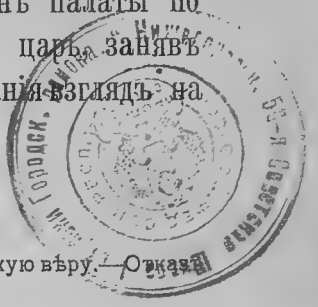
По проискамъ ливонцевъ, «хитрые мастера» не попали въ Московію, не попали и типографщики. А между тѣмъ, надобность въ книгопечатаніи оказывалась все сильнѣе. Въ 1552 году было покорено Казанское царство. Въ новозавоеванной землѣ стали строить церкви, понадобилось много богослужебныхъ книгъ, а книгъ было мало, да и тѣ, которыя нашлись, были полны самыхъ грубыхъ ошибокъ. И мысль о томъ, чтобы завести въ Москвѣ книгопечатаніе, все больше и больше занимала царя, ее повѣдалъ онъ митрополиту московскому Макарію. Митрополитъ Макарій, извѣстный составитель книги Четьи Минеи, человѣкъ умный, начитанный, одобрилъ намѣреніе царя.

«Эта мысль,—сказалъ онъ,—внушена самимъ Богомъ, это—даръ, свыше исходящій».

Но гдѣ достать свѣдущихъ людей, которые въ печатномъ дѣлѣ были бы искусны?

И вотъ нѣсколько дней тому назадъ прибыло въ Москву посольство изъ Даніи. Король Христіанъ, прослышавъ о намѣреніи московскаго царя завести въ Москвѣ книгопечатаніе и желая придти къ нему на помощь въ этомъ дѣлѣ, послалъ ему своего типографа. Вотъ посолъ сейчасъ войдетъ въ Золотую палату...

Бояре размѣстились вдоль стѣнъ палаты по обѣимъ сторонамъ царскаго трона, а царь, занявъ свое мѣсто, устремилъ полный ожиданія взглядъ на входную дверь.



ГЛАВА II.

Предложеніе датскаго короля принять лютеранскую вѣру.—Отказъ московскаго царя.

«Великій Государь, Гансъ Миссенгеймъ, посолъ датскаго короля Христіана, бьетъ тебѣ челомъ»,—прозвучало среди тишины Золотой палаты, и черезъ минуту послѣ доклада въ палату вошелъ высокій мужчина среднихъ лѣтъ. Его короткая бархатная одежда темнаго цвѣта не похожа на длинныя, широкія одежды московскихъ людей. Коротко подстриженная бородка рѣзко отличается отъ густыхъ длинныхъ бородъ, которыми такъ гордились русскіе бояре. Въ рукахъ онъ держитъ три книги. Низко поклонившись московскому государю и прикоснувшись къ его рукѣ, датскій посолъ подалъ ему грамоту отъ своего короля. По знаку царя грамоту принялъ стоявшій возлѣ него дьякъ.

«Братъ нашъ, превысокій король датскій, здоровъ-ли?»—обратился къ послу съ обычнымъ вопросомъ царь.

Посолъ держалъ свой отвѣтъ на правильномъ русскомъ языкѣ, безъ помощи переводчика, и затѣмъ, еще разъ поклонившись царю, отошелъ въ сторону.

Царь приказалъ дьяку читать грамоту.

«Мы, Христіанъ, Божіей милостью, король Датскій, Норвежскій и пр., могущественнѣйшему, побѣдоносиѣйшему и славнѣйшему государю всея Руси, Іоанну, великому государю Московскому, возлюбленному брату и другу нашему, желаемъ благоденствія и благопоспѣшенія въ дѣлахъ»,—началъ дьякъ мѣрнымъ, однообразнымъ голосомъ.

«Съ самаго начала правленія нашего ни о чемъ мы столько не заботились, побѣдоносиѣйшій и славнѣйшій государь, другъ и возлюбленный о Христѣ братъ, какъ о сохраненіи общественнаго спокойствія и мира въ государствѣ нашемъ, равно и о всемѣстномъ распространеніи славы и слова Іисуса Христа въ церквахъ владѣній нашихъ; убѣждены, что Іисусъ Христосъ, котораго царство несомнѣнно близко есть, по неизрѣченной любви своей къ намъ, бѣднымъ смертнымъ, разсѣявъ тьму папежскую, коею долгое время омрачены были страны наши, снова желаетъ явиться намъ въ осужденіе невѣрующихъ и во спасеніе правовѣрующихъ. На это дѣло вызывали мы прочихъ государей и князей, исповѣдующихъ нашу вѣру и при томъ не безъ успѣха... по наслѣдственному же нашему расположенію и усердію къ возлюбленному брату нашему, къ его народу и подданнымъ, мы осмѣлились склонять къ тому же самому и тебя, возлюбленный братъ...»

Дьякъ замедлилъ чтеніе и перѣшительно, испод-

лобья взглянулъ на государя. Государь сурово нахмурилъ свои густыя брови и, крѣпко опершись на свой посохъ, съ недоумѣніемъ глядѣлъ то на посла, то на бояръ.

Что же это такое? Ему докладывали, что датскій король посылаетъ ему типографщика, а здѣсь, въ письмѣ, рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ. Король Христіанъ пишетъ ему о своемъ намѣреніи распространять въ другихъ государствахъ вѣру Христову. Но вѣдь датскій король лютеранинъ, неужто жъ онъ осмѣливается склонять къ принятію лютерова ученья его, государя православнаго. Или онъ ослышался? Государь еще не вѣритъ своимъ ушамъ...

«Съ такою цѣлью,—продолжаетъ дьякъ чтеніе письма,—посылаемъ къ тебѣ искренно нами любимаго слугу и подданнаго, Ганса Миссенгейма съ Библіей и двумя другими книгами, въ коихъ находится содержаніе и сущность нашей вѣры...»

Царь взглянулъ на книги, которыя посолъ держалъ въ рукахъ. Нѣтъ, онъ не ослышался, его превысокій братъ предлагаетъ ему принять его вѣру... Онъ переводитъ свой взглядъ на бояръ, лицо его гнѣвно, легкая судорога подергиваетъ его губы... Зачѣмъ допустили они къ нему этого посла со вздорными предложеніями?

Но Алексѣй Адашевъ, ближе другихъ стоящій къ царю, спокойно встрѣчаетъ гнѣвный взглядъ царя. Не самъ ли онъ, государь, приказалъ при-

вести къ нему посла, не дожидаясь, пока бояре переговорятъ съ нимъ и прочтутъ его грамоту!

Они правы, подумалъ царь, но развѣ могъ онъ предполагать, что написано въ письмѣ! Онъ, православный царь, будетъ мѣнять свою вѣру! Датскій король не знаетъ, видно, обычаевъ московскихъ. Но гдѣ же здѣсь рѣчь о типографщикѣ?

А дьякъ, испугавшись гнѣва царскаго, медленно, нерѣшительно продолжалъ читать:

«Если приняты и одобрены будутъ тобою, митрополитомъ, епископами и прочимъ духовенствомъ наше предложеніе принять лютеранскую вѣру и двѣ книги вмѣстѣ съ Библіей, то оный слуга нашъ напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ означенныя сочиненія, переведя на отечественный вашъ языкъ, такъ что симъ способомъ можно будетъ въ немногіе годы содѣйствовать пользѣ вашихъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ славѣ Христовой и своему спасенію...»

— Остановись!—вдругъ рѣзко оборвалъ дьяка царь.—Не пригоже намъ слушать такія слова. Братъ Христіанъ неладное пишетъ... Отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ перешла къ намъ наша вѣра и нерушимой будетъ, доколѣ стоитъ земля Московская...

— Скажи ты братцу нашему, королю Христіану,—обратился онъ къ послу, стараясь сдержать свой гнѣвъ, скажи ему, не надобно намъ лютерово ученье, не надобны его книги, увези ихъ назадъ, не будетъ того, чтобы православный царь

перемѣнилъ свою вѣру... Не надобны ваши друкари, коли они будутъ лютеровы книги печатать...

Посолъ растерянно глядѣлъ на разгнѣваннаго государя всея Руси, дьякъ перекладывалъ изъ одной руки въ другую злополучную грамоту, не зная, что съ ней дѣлать, бояре перешептывались и, недовольные, поглядывали на посла.

А царь поднялся съ мѣста и, уже обращаясь къ своимъ боярамъ, продолжалъ говорить:

— Не надобны они намъ, не пригоже православную вѣру на друкарню мѣнять. Своихъ друкарей найдемъ, не можетъ того быть, чтобы въ Московской землѣ друкаря не нашлось...

Онъ медленно, не глядя на посла, прошелъ мимо него къ двери, ведущей во внутренніе покои. Бояре молча послѣдовали за царемъ.

Такъ неудачно кончились попытки московскаго государя добыть книгопечатниковъ изъ чужой земли.

ГЛАВА III.

Первый русскій книгопечатникъ, Иванъ Федоровъ.—Его планы и надежды.—Первая русская друкарня.

Царь Иванъ Васильевичъ не ошибся: на Руси нашелся свой друкарь. Это былъ дьяконъ кремлевской церкви св. Николая Гостунскаго, Иванъ Федоровъ.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ датскій посолъ ни съ чѣмъ уѣхалъ изъ Московскаго государства. На Никольской улицѣ, рядомъ съ Никольской

скимъ греческимъ монастыремъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ синодальная типографія, поднялись новыя хоромы. Онѣ были поставлены изъ толстыхъ бревенъ, свѣтъ пропускали въ нихъ слюдяныя оконца, затѣйливая рѣзьба украшала ихъ снаружи. Это была первая русская друкарня, или «печатня», годъ тому назадъ построенная по приказу царя Ивана Васильевича. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ друкарнѣ идетъ кипучая работа.

Въ невысокой, но просторной горницѣ, ближе къ оконцамъ, стоитъ первый русскій книгопечатный станокъ, «верстакъ друкарскій», сдѣланный русскими рабочими по указанію перваго русскаго книгопечатника. Передъ станкомъ работаетъ его помощникъ Маруша Нефедьевъ, онъ накладываетъ на готовый наборъ одинъ листъ бумаги за другимъ, на чистыхъ листахъ отпечатываются слова... Рядомъ съ Марушей Нефедьевымъ, передъ высокимъ, покатымъ столомъ, стоитъ Петръ Мстиславецъ, преданный другъ Ивана Федорова, его ближайшій помощникъ. Изъ множества буквъ разной величины, которыя лежатъ въ ящикахъ на лавкѣ, онъ готовитъ наборъ новой страницы. Много уже готовыхъ отпечатанныхъ страницъ лежитъ на лавкахъ, еще больше ихъ на большомъ дубовомъ столѣ возлѣ окна. За столомъ сидитъ самъ Иванъ Федоровъ. Это худощавый, сутуловатый мужчина, лѣтъ сорока. Онъ одѣтъ въ темный потертый под-

рясникъ. Длинные свѣтлорусые волосы его, расчесанные на прямой рядъ, падаютъ на плечи, когда онъ склоняетъ голову надъ кипой отпечатанныхъ листовъ. Его продолговатое лицо съ рѣдкой, бѣлокурой бородкой, съ мелкими неправильными чертами, серьезно, сосредоточенно. А глаза, свѣтлые, ясные, смотрятъ мягко, дѣтски довѣрчиво. Онъ весь ушелъ въ свою работу, онъ перебираетъ одинъ за другимъ вышедшіе изъ печати листы, отыскивая, нѣтъ-ли въ нихъ какихъ описей и ошибокъ. Нѣтъ, ихъ работа сдѣлана внимательно, онъ не довѣрялъ никому даже мелочей. Онъ самъ вырѣзалъ всѣ формы, самъ отлилъ всѣ буквы, всѣ рисунки, самъ просмотрѣлъ каждую вновь набранную страницу. И вотъ эта первая книга — «Дѣянія Апостольскія» почти совсѣмъ готова. Послѣднія страницы набираетъ Петръ Мстиславецъ. Черезъ нѣсколько дней книга выйдетъ изъ печати.

Время близится къ полудню. Пора подумать объ обѣдѣ. Маруша Нефедьевъ и Петръ Мстиславецъ оставляютъ работу, крестятся на образа и уходятъ... А Иванъ Федоровъ не спѣшитъ покинуть друкарню. Онъ какъ будто забылъ объ обѣдѣ и продолжаетъ просматривать готовые листы первой печатной книги. Онъ словно не можетъ оторваться отъ этой работы, она слишкомъ дорога ему, о ней мечталъ онъ съ юныхъ лѣтъ.

*

Какъ ни зорко слѣдили ливонцы за тѣмъ, чтобы знающіе иноземцы не проникли въ Московію, однако, имъ не всегда удавалось задержать ихъ; уже въ царствованіе Ивана III въ Москвѣ не мало было иноземцевъ. Они охотно поступали на службу къ московскому царю. Царь Иванъ IV отвелъ имъ для жительства особую слободу, которая и стала называться Нѣмецкой слободой.

Вотъ съ этими-то иноземцами еще въ ранней молодости свелъ знакомство Иванъ Федоровъ, онъ часто заходилъ въ Нѣмецкую слободу и подолгу бесѣдовалъ съ умными, образованными иностранцами. Они разсказывали ему о житьѣ бытьѣ иноземномъ, о нравахъ и порядкахъ въ чужихъ краяхъ.

— Темный вы народъ, — говорили ему иноземцы, — темный, невѣжественный, во всемъ отъ насъ отстали, нѣтъ у васъ ни мастеровъ, ни рудознатцевъ, ни докторовъ, ни художниковъ, за всякими свѣдущими людьми къ иноземцамъ обращаетесь, и все потому, что нѣтъ у васъ училищъ, нѣтъ грамотности на Руси, нѣтъ истиннаго просвѣщенія...

Особенно внимательно слушалъ Иванъ Федоровъ ихъ разсказы о началѣ книгопечатанія на Западѣ, объ Іоаннѣ Гуттенбергѣ, объ этомъ великомъ человѣкѣ, который изобрѣлъ типографскій станокъ и подвижныя буквы.

— Въ чужихъ краяхъ давно ужъ книги печатаютъ, — говорили иноземцы, — давно ужъ тамъ

во всѣхъ городахъ типографскіе станки заведены и печатается на нихъ книгъ множество. Тамъ, гдѣ книгъ много, гдѣ онѣ доступны не однимъ только богачамъ, тамъ и свѣдущихъ людей больше, не то, что на Руси, гдѣ книга въ диковинку.

Глубокое впечатлѣніе производили на молодого Ивана Федорова эти разсказы. Въ сильномъ волненіи возвращался онъ изъ Нѣмецкой слободы, и смѣлыя думы проходили въ его разгоряченной головѣ.

— Вотъ если бы и на Руси печатный станокъ завести, если бы Богъ помогъ уразумѣть искусство книгопечатанія,—думалось ему.

И онъ снова спѣшилъ въ Нѣмецкую слободу, онъ разспрашивалъ у своихъ пріятелей-иноземцевъ, какъ устроенъ типографскій станокъ, какъ отливаются формы печатныхъ буквъ. И вотъ, въ свободное отъ церковной службы время, онъ, бѣдный, никому неизвѣстный дьяконъ Гостунской церкви, зажигалъ у себя лучину и при ея тускломъ свѣтѣ пробовалъ отливать формы литеръ, вырѣзалъ рисунки... Работа, въ которую онъ вкладывалъ всю свою душу, шла успѣшно. Онъ постигъ искусство печатать книги, и въ сердцѣ его загорѣлось горячее желаніе подѣлиться своимъ искусствомъ, послужить имъ своей родинѣ... Но какимъ образомъ принести пользу своими знаніями, къ кому обратиться?

Какъ разъ въ это время до него дошелъ слухъ, что царь Иванъ Васильевичъ ищетъ друкаря. Не помня себя отъ радости, поспѣшилъ онъ къ окольн-

ничему Алексѣю Адашеву и умолялъ его доложить объ немъ государю. Навсегда осталась ему памятна эта рѣшительная въ его жизни минута: онъ въ царской палатѣ; государь говоритъ съ нимъ о книгопечатаніи, спрашиваетъ его, гдѣ научился онъ этому дѣлу. И покойный митрополитъ Макарій тутъ же, и бояре... Все разсказалъ имъ Иванъ Федоровъ: и какъ научился печатному дѣлу, и какія думы были у него тогда въ головѣ, говорилъ и про то, какъ хотѣлось ему послужить своимъ искусствомъ родинѣ... Показалъ онъ имъ и образцы своего искусства, и сдѣланныя имъ литеры, и отпечатанные этими литерами листы бумаги. И дивились всѣ его искусству, а молодой царь словно просвѣтлѣлъ весь и, указывая на него боярамъ, сказалъ:

— Говорилъ я вамъ, когда пріѣзжалъ датскій посолъ, найдется у насъ свой друкарь, вотъ и нашелся!

И приказалъ обрадованный царь начать постройку печатнаго двора, далъ Ивану Федорову рабочихъ и казны не жалѣлъ...

— Сколько хочешь казны бери, только выстрой мнѣ друкарню, пускай и у насъ будутъ печатныя книги, какъ въ Греціи, въ Венеціи и другихъ прочихъ земляхъ.

И митрополитъ Макарій благословилъ Федорова на это великое дѣло. Господи, какъ счастливъ онъ былъ тогда, какъ горячо принялся за дѣло, въ ко-

торое такъ искренно вѣрилъ. Началась постройка печатнаго двора...

Но вскорѣ началось завоеваніе Астраханскаго царства, борьба съ крымскими татарами, а тамъ подоспѣли войны со Швеціей и Ливоніей. Государь занялся военными дѣлами и какъ будто совсѣмъ охладѣлъ къ печатному двору. Тяжелые наступили для Ивана Федорова дни: думалъ онъ, совсѣмъ забылъ о немъ государь, забылъ и о печатномъ дворѣ; и рабочихъ-то всѣхъ пришлось распустить, нечѣмъ было платить имъ... Такъ нѣсколько лѣтъ и стоялъ недостроенный печатный дворъ... Тяжелое было время! Московскіе люди смѣялись надъ нимъ, не вѣрили въ его искусство. «Вонъ царскій печатникъ идетъ», говорили они, указывая на него пальцами; величали его «басурманомъ» за его дружбу съ иноземцами. Терпѣливо переносилъ онъ всѣ насмѣшки и все надѣялся, все дожидался, и надежды не обманули его: покончивъ съ войнами, государь вспомнилъ о печатномъ дворѣ, и снова казна его открылась для Ивана Федорова. Печатный дворъ выстроился, наконецъ, были изготовлены и станокъ печатный, и литеры... Началась работа. И вотъ почти окончена первая печатная книга.

Инв. 123075

ГЛАВА IV.

Первая русская печатная книга передъ судомъ царя и духовенства.

Первая печатная книга вышла изъ типографіи въ началѣ марта 1564 года. Для разсмотрѣнія ея

въ царской палатѣ собрались бояре и лица духовнаго чина. Передъ столомъ, посреди палаты, въ глубокомъ креслѣ съ высокой рѣзной спинкой, сидѣлъ почти совсѣмъ старикъ.

Неужели это царь Иванъ Васильевичъ, десять лѣтъ тому назадъ принимавшій въ золотой палатѣ датскаго посла? Тогда онъ былъ молодъ и красивъ, онъ былъ полонъ жизни. А теперь! Куда дѣвался гордый, смѣлый взглядъ, что сталось съ его величественной осанкой? Глаза потухли, густые волосы порѣдѣли, онъ похудѣлъ, осунулся, сгорбился... Лѣвой рукой онъ крѣпко опирается на посохъ, словно ищетъ опоры, пальцы правой руки замѣтно дрожатъ, когда онъ переворачиваетъ листы лежащей передъ нимъ на столѣ первой печатной книги. Что же сдѣлалось съ царемъ?

Другія времена настали на Руси. Счастливая пора правленія Ивана IV миновала. Началось страшное время царствованія грознаго царя. Недолго владѣли его душой прекрасныя чувства къ своему народу, недолго поддавался онъ вліянію добрыхъ наставниковъ. Царь началъ тяготиться совѣтами близкихъ людей. Онъ сталъ опасаться за свою власть, сталъ всюду искать измѣны. Добрыя чувства въ его душѣ смѣнились злобой и ненавистью къ окружающимъ. Начались опалы, казни близкихъ людей, полилась кровь мнимыхъ измѣнниковъ... Первыми были удалены отъ двора Сильвестръ и Адашевъ. Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, Адашевъ умеръ

въ заточеніи. Бѣжалъ въ Литву отъ гнѣва царскаго князь Курбскій, убитъ былъ по приказу царя князь Рѣпнинъ, былъ сосланъ на Бѣлоозеро князь Воротынскій. Никого нѣтъ въ царской палатѣ изъ прежнихъ «добрыхъ» совѣтниковъ его, что вмѣстѣ съ нимъ принимали датскаго посла. Всѣ либо казнены, либо томятся въ заточеніи.

Мнительность, постоянная душевная тревога, преувеличенный страхъ за себя, за свою власть, боязнь измѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ безпорядочный образъ жизни—такъ сильно измѣнило царя, что сдѣлало его почти старикомъ въ тридцать три года.

Но не эта рѣзкая перемѣна въ государѣ занимаетъ Ивана Федорова, когда онъ пристально, не спуская глазъ, слѣдитъ за выраженіемъ его лица.

Онъ принесъ на судъ царю свою первую работу, онъ ждетъ его приговора. Отъ царскаго слова зависитъ судьба любимаго имъ книгопечатнаго дѣла... Продолжать или не продолжать печатаніе книгъ...

Онъ смотритъ на бояръ, на духовенство... Митрополита Макарія, благословившаго его на этотъ трудъ, уже нѣтъ въ живыхъ; возлѣ царя, по правую сторону отъ него сидитъ новый митрополитъ Аѳанасій. Что скажетъ собраніе объ этой первой печатной книгѣ? И онъ снова переводитъ свой взглядъ на царя.

А царь продолжаетъ переворачивать страницы книги, онъ внимательно разглядываетъ и литеры, и рисунки.

И видитъ Иванъ Федоровъ, какъ проясняется нахмуренное чело царя Ивана Васильевича, что-то похожее на улыбку озаряетъ его лицо, глаза вспыхиваютъ радостно. Царь доволенъ. Указывая боярамъ на книгу, онъ отмѣчаетъ ея достоинства, хвалитъ и рисунки, и печать. И, въ угоду царю, бояре и духовенство дивятся красотѣ книги, хвалятъ искусство друкаря.

А первый русскій друкарь не помнитъ себя отъ счастья. Книга одобрена и царемъ, и духовенствомъ, его искусство признано всѣмъ собраніемъ. Теперь съ помощью печатныхъ книгъ онъ будетъ «разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя и всѣмъ раздавать эту духовную пищу»...

Какъ бы въ отвѣтъ на эти мысли, царь, закрывъ книгу, подзываетъ его къ столу, ласково говоритъ съ нимъ и приказываетъ приступить съ печатанію «Часовника».

— Не жалѣй казны на это дѣло, много ея у московскаго царя,—говоритъ онъ, отпуская Ивана Федорова.

Низко, до земли поклонившись царю, Иванъ Федоровъ уходитъ изъ царскихъ палатъ.

ГЛАВА V.

Отношеніе Московскихъ людей къ первой печатной книгѣ.— Ивана Федорова обвиняютъ въ волшебствѣ.

Появленіе первой печатной книги, казалось бы, должно было вызвать всеобщую радость... Казалось

бы, почетъ и уваженіе долженъ былъ снискать себѣ Иванъ Федоровъ за то, что онъ содѣйствовалъ введенію книгопечатанія на Руси. Сдѣланный по его указанію типографскій станокъ, выпуская книги въ большомъ количествѣ, тѣмъ самымъ удешевлялъ ихъ, дѣлалъ ихъ доступными для многихъ...

Въ древней Руси, какъ и на Западѣ до введенія книгопечатанія, книги распространялись посредствомъ переписки, а это требовало много времени. Книги переписывались, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ монахинями. Совершивъ передъ началомъ дѣла молитву, писецъ древней Руси проводилъ на бумагѣ прямыя параллельныя черты для веденія строкъ, оставляя на каждой страницѣ широкіе «берега» во всѣ стороны, т. е. поля. Затѣмъ онъ вооружался тростью, «каламой», и принимался старательно срисовывать каждую букву книги. Особое вниманіе удѣлялось при этомъ заглавной буквѣ: ее писецъ вырисовывалъ красными чернилами, ей придавались самыя затѣйливыя формы, начальныя буквы каждаго стиха, каждой статьи были изукрашены золотомъ и красками, всевозможными узорами и цвѣтами. При такой кропотливой работѣ писецъ успѣвалъ переписать въ день не больше двухъ съ половиной листковъ... т. е. пять страничекъ... извѣстно, напримѣръ, что понадобилось 7 мѣсяцевъ для того, чтобы переписать Остромирово евангеліе, въ которомъ 294 листа. Переписывались преимущественно книги священныя, богослужебныя. Другихъ книгъ въ то время почти не было.

Эти переписанныя книги были полны самыхъ грубыхъ ошибокъ. Сами писцы признавались въ ошибкахъ и смиренно просили за нихъ прощенья. Такъ въ одномъ Евангеліи, въ послѣсловіи читаемъ: «аще гдѣ криво налѣзете (т. е. если найдете ошибки), то исправивше чтите же, а не кляните».

Типографскій станокъ, изобрѣтенный Гутенбергомъ [1]), явился величайшимъ въ мірѣ открытіемъ. Выпуская книгу сразу въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, онъ страшно понизилъ на нее цѣну; книги удешевились и стали доступны для большаго количества людей... число грамотныхъ стало возрастать, знанія начали проникать туда, куда они не могли проникнуть раньше... Такъ было въ западныхъ странахъ, такъ должно было быть и на Руси. Вотъ почему появленію первой печатной книги въ Москвѣ должны были радоваться люди, которымъ дорого было просвѣщеніе... Но такихъ людей было слишкомъ мало на Руси. Русскій народъ былъ теменъ, невѣжественъ, онъ подозрительно относился ко всякимъ «новшествамъ», а новшества, взятыя изъ чужихъ земель, считалъ «богопротивными затѣями» и смотрѣлъ на нихъ, какъ на измѣну родной старинѣ... Когда въ Москвѣ начали строить «печатню», московскіе люди недовѣрчиво покачивали головами.

— Можетъ ли быть,—думали они,—чтобы въ

---

[1]) Въ 1450 г.

одинъ годъ можно было напечатать столько книгъ, сколько переписчики въ десять лѣтъ не успѣютъ переписать.

И не вѣрили они словамъ Ивана Федорова и смѣялись надъ его затѣей.

— Такъ только хвалится, казну у царя выманиваетъ,—говорили они про него.

Но вотъ «Апостолъ» вышелъ изъ печати. Тогда недовѣріе смѣнилось другими чувствами.

— Эта новая печатная книга можетъ-ли замѣнить прежнюю, рукописную? — съ безпокойствомъ спрашивали люди. — Прежняя книга писалась съ благоговѣніемъ, со страхомъ Божіимъ, молитву шептали уста переписчика, когда онъ выводилъ буквы въ рукописной книгѣ. Божье благословеніе было на его работѣ. А новую книгу верстакъ друкарскій работалъ. Отъ Бога-ли эта работа? Не будетъ-ли великимъ грѣхомъ молиться по этой новой книгѣ... можно-ли замѣнить святое богоугодное дѣло деревяннымъ станкомъ?

И люди, боявшіеся всякой новизны, подозрительно глядѣли на книгу, отпечатанную на типографскомъ станкѣ.

Не прошло даромъ для Ивана Федорова и его постоянное посѣщеніе Нѣмецкой слободы.

— Кто съ иноземцами спознался, тотъ всякой ереси набрался, а Иванъ Федоровъ отъ иноземцевъ перенялъ типографское искусство. Ужъ нѣтъ-ли въ новой книгѣ еретическихъ новшествъ, нѣтъ-ли въ ней какой порчи православному ученью?

Ревнители православія принялись сличать напечатанный «Апостолъ» съ рукописнымъ, и сердца ихъ наполнились ужасомъ: Иванъ Федоровъ исправилъ въ печатномъ «Апостолѣ» многія описи и ошибки переписчиковъ. Это исправленіе ошибокъ они сочли за ересь, за отступленіе отъ православной вѣры.

Уже не однѣ насмѣшки посыпались теперь на Ивана Федорова. Дьяконъ Гостунской церкви сталъ въ глазахъ ревнителей православія опаснымъ человѣкомъ, вреднымъ нововводителемъ... Онъ сдѣлалъ типографскій станокъ, чтобы печатать на немъ еретическія книги, думали они...

Заволновались темные люди.

Тѣ, которымъ удавалось побывать въ самой друкарнѣ, съ удивленіемъ разсказывали о быстротѣ, съ какой работалъ типографскій станокъ, выпуская одну за другой печатныя страницы; не мало дивились они и подвижнымъ буквамъ, изъ которыхъ, какое хочешь, слово можно составить.

Да ужъ не волшебство-ли это? Ужъ не сидитъ ли у него въ станкѣ нечистая сила? Волшебство и есть. Конечно, не отъ Бога такое дѣло; самъ дьяволъ помогаетъ Ивану Федорову.

Въ то суевѣрное время, часто объясняли дѣйствіемъ нечистой силы все, непонятное невѣжественнымъ умамъ... Печатный станокъ, подвижныя буквы, все это было такъ непохоже на старую, привычную работу переписыванія, такъ ново, такъ непонятно:

немудрено, что въ печатномъ станкѣ темные люди отыскали нечистую силу, а въ печатаніи книгъ увидали «душевредное волхвованіе».

Молва о томъ, что на печатномъ дворѣ живетъ дьяволъ, быстро разнеслась по Москвѣ.

— Такъ и есть, чернокнижникъ онъ, колдунъ, съ нечистой силой знается, не даромъ самого царя обошелъ,—говорили про Ивана Федорова его враги, и съ каждымъ днемъ росла ихъ злоба противъ него и его друзей. Злоба людская часто преслѣдуетъ человѣка, который несетъ людямъ что-либо новое, еще непонятное имъ! И надъ головой перваго русскаго книгопечатника уже собиралась гроза...

ГЛАВА VI.

Враги Ивана Федорова грозятся уничтожить печатный дворъ.

Жаркій лѣтній день приходилъ къ концу, а на печатномъ дворѣ еще работали. Послѣ «Дѣяній Апостольскихъ» была выпущена изъ печати вторая книга «Часовникъ», теперь печаталось Евангеліе... Кромѣ Ивана Федорова и его помощниковъ, Маруши Нофедьева и Петра Мстиславца, въ друкарнѣ работали еще два лица: это были новые ученики перваго книгопечатника—Никифоръ Тарасьевъ и Андроникъ Невѣжа.

Прежнимъ одушевленіемъ горятъ глаза Ивана Федорова, когда онъ просматриваетъ готовые листы новой книги, но что-то тревожное—нѣтъ, нѣтъ—да и промелькнетъ на его лицѣ. Онъ зналъ все, что

говорятъ объ немъ въ Москвѣ, зналъ онъ, что еретикомъ его обзываютъ московскіе люди, толкуютъ про то, что печатный дворъ—пристанище нечистой силы. Но не особенно смущали его прежде эти толки враговъ. Разсказывали ему нѣмцы, что и Гуттенбергъ страдалъ отъ злобы и темноты людской. Ему ли, Ивану Федорову, простому человѣку, перенявшему отъ другихъ искусство печатанія, ему ли жаловаться на свою судьбу? И онъ безропотно работалъ, работалъ съ ранняго утра до поздней ночи надъ печатаніемъ книгъ, которые должны были «по всему міру разбросать сѣмена духовныя». Но смущаетъ Ивана Федорова, что не ладное что-то творится съ царемъ. Давно ужъ онъ въ Москвѣ не живетъ, еще съ зимы переѣхалъ въ Александровскую слободу, все измѣны опасается.

Дружину себѣ завелъ, опричниковъ. Они измѣну изъ русской земли выметаютъ, и никому нѣтъ отъ нихъ житья: того сослали, того въ тюрьмѣ замучили, того на плахѣ казнили. Не до печатанія книгъ теперь царю, коли дѣла такія пошли, а врагамъ Ивана Федорова это на руку...

Но не о себѣ безпокоится онъ, когда думаетъ о тяжелыхъ временахъ, наставшихъ на Руси.

Только бы не погибло начатое имъ дѣло печатанія книгъ, только бы станокъ продолжалъ работать, а съ нимъ будь, что будетъ! И внимательно слѣдитъ онъ за работой своихъ новыхъ учениковъ. Маруша Нефедьевъ и Петръ Мстиславецъ уже не

молодые люди, а новые еще молоды, цѣлая долгая жизнь передъ ними; сумѣетъ ли онъ пробудить въ ихъ сердцахъ любовь къ славному дѣлу? Отдадутъ ли они ему всѣ свои силы, всю жизнь свою?

Въ друкарнѣ становилось темно. Печатники оканчивали работу. Новые ученики и Маруша Нефедьевъ, поклонились Ивану Федорову, и одинъ за другимъ покинули друкарню, только Петръ Мстиславецъ не торопился уходить. Онъ медленно, не спѣша, складывалъ отпечатанные листы Евангелія и словно дожидался чего-то. И вотъ, когда затворилась дверь за печатниками, онъ подошелъ къ Ивану Федорову и тихо, озабоченно сказалъ.

— Не ладное толкуютъ въ Москвѣ,—мнѣ вѣрный человѣкъ нынѣ сказывалъ,—грозятся печатный дворъ разнести. Слышь, духовные люди да переписчики промежъ себя эти рѣчи ведутъ. Слышь, не потерпимъ того, чтобы въ друкарнѣ душевреднымъ волхованьемъ занимались, не хотимъ книгъ, печатанныхъ нечистой силой, разнесемъ печатный дворъ...

— Господи, спаси помилуй! Да вѣдь печатный дворъ по Государеву указу строился, съ благословенья митрополита Макарія...

— Государь теперь не защитникъ, самъ ты это знаешь, — продолжалъ Петръ Мстиславецъ, и его густыя черныя брови сурово нахмурились,—Государь теперь всякому навѣту повѣритъ, а враги съумѣютъ оклеветать насъ, недаромъ колдунами да еретиками

зовутъ... въ ворожбѣ обвинятъ, или въ измѣнѣ. Мало-ль чего не наскажутъ злые люди. Подозрителенъ сталъ царь; какъ бы еще въ застѣнокъ не попасть... Петръ Мстиславецъ нагнулся къ самому уху Ивана Федорова и совсѣмъ тихо, почти шопотомъ, сказалъ:

— Уйти бы по добру, по здорову...

— Какъ уйти, куда?

— Уйти изъ Москвы пока что! Времена настали тяжкія, то и дѣло казнятъ да вѣшаютъ людей, уйти пока цѣлы...

— Уйти, бросить любимое дѣло, оставить его, чтобы враги погубили его... Нѣтъ, ни за что!

Иванъ Федоровъ отодвинулся отъ своего товарища и, въ первый разъ за все время ихъ совмѣстной работы, почти недружелюбно взгляпулъ на него.

— А коли друкарню разнесутъ, тогда что?— сказалъ Петръ Мстиславецъ, смущаясь отъ этого недружелюбнаго взгляда.

Но лицо Ивана Федорова уже приняло свое обычное кроткое выраженіе. Не отвѣчая на вопросъ Петра Мстиславца, онъ взялъ одинъ изъ лежащихъ передъ нимъ напечатанныхъ листовъ Евангелія и громко, раздѣльно прочелъ слова Великаго Учителя: «нѣтъ больше той любви, аще кто душу свою полагаетъ за други своя».

— Вотъ что заповѣдалъ намъ Христосъ, вотъ какъ повелѣлъ жить... Положимъ душу свою за други своя, отдадимъ всю жизнь свою на служеніе людямъ...

— А люди отплатятъ за это злобой и ненавистью, обвинятъ въ колдовствѣ, еретикомъ обзовутъ, — перебилъ Петръ Мстиславецъ, но Иванъ Федоровъ мягко остановилъ его.

— Много еще темноты въ людяхъ, сказалъ онъ,— не понимаютъ они своего блага, не знаютъ, какъ жить надо... вотъ погоди, выйдетъ изъ печати святое Евангеліе, разнесетъ оно по всей Руси великія слова Спасителя, добрыя сѣмена посѣетъ въ сердцахъ людскихъ; святыя слова научатъ людей любить другъ друга, и не будетъ тогда между людьми ни злобы, ни ненависти... и поймутъ тогда люди, что не богопротивное дѣло затѣяли мы, не дьяволъ руководитъ нашей работой, самъ Богъ благословилъ нашъ трудъ на благо людямъ, на пользу ихъ...

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Петръ Мстиславецъ недовѣрчиво покачалъ головой. Онъ не сказалъ больше ни слова и медленно пошелъ къ двери. Онъ всей душой былъ преданъ Петру Федорову, онъ горячо любилъ печатное дѣло, но въ немъ не было той самоотверженной любви и вѣры, которыя заставляли Ивана Федорова забывать о себѣ ради любимаго дѣла...

По уходѣ товарища, Иванъ Федоровъ долго еще сидѣлъ въ глубокой задумчивости передъ столомъ.

— А коли взаправду разнесутъ друкарню? Тогда что? Что тогда дѣлать?

Въ тяжкомъ раздумьи Иванъ Федоровъ переби-

ралъ листы Евангелія. И, вдругъ, взглядъ его случайно упалъ на четко, крупно отпечатанныя слова «когда же будутъ васъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой»...

Да, гонятъ изъ одного мѣста, нужно итти съ проповѣдью слова Божія въ другое—такъ училъ своихъ учениковъ Христосъ. Но только не сейчасъ. Нѣтъ, онъ, Иванъ Федоровъ, насколько хватитъ силъ, до послѣдней минуты будетъ защищать друкарню и любимое дѣло свое; ну, а тамъ, когда плохо придется...

— Да нѣтъ, не можетъ того быть, Господь не допуститъ совершиться злому дѣлу, Господъ спасетъ друкарню!..—

Было уже совсѣмъ темно, когда Иванъ Федоровъ вышелъ изъ друкарни и, заперевъ ее снаружи, пошелъ домой.

На томъ же дворѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ друкарни, стояла небольшая изба, построенная по приказу царя для жительства Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Къ ней то и направился Иванъ Федоровъ...

ГЛАВА VII.

Враги Ивана Федорова поджигаютъ печатный дворъ.—Бѣгство печатниковъ изъ Москвы.

Темная лѣтняя ночь спустилась надъ Москвой. Душно въ воздухѣ, похоже на то, что къ утру соберется гроза. Крѣпко спятъ московскіе обыва-

тели. Не спится только тому, кто задумалъ злое дѣло.

Въ эту душную лѣтнюю ночь, когда на небѣ не было ни звѣздочки, къ печатному двору медленно, словно крадучись, направлялись какія-то двѣ фигуры. По временамъ онѣ останавливались, словно прислушивались, все ли тихо, и затѣмъ снова шли. Видно, не съ добромъ приближались онѣ къ печатному двору, если выбрали для этого такое глухое время. Вотъ онѣ уже подошли къ нему. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ среди ночной тьмы возлѣ самаго печатнаго двора съ лѣвой стороны блеснула искра... такая же искра прорѣзала ночной мракъ и съ правой его стороны. И въ то же мгновенье темныя фигуры двухъ людей быстро отскочили отъ зданія и бросились бѣжать въ разныя стороны.

*

Утомленный цѣлымъ днемъ упорной работы, крѣпко спитъ въ своей избѣ Иванъ Федоровъ. Не чуетъ, видно, сердце его, что друкарня въ опасности. И странный сонъ грезится ему: видится ему вся Московская земля. Велика она, далеко растянулась и въ ширь, и въ даль, а видитъ онъ ее всю цѣликомъ со всѣми ея городами, рѣками, морями. Представляется ему Московское государство какъ бы на картѣ, которую на дняхъ показывалъ ему знакомый нѣмецъ, и гдѣ обозначена была нѣмецкая земля. И видитъ онъ, какъ густая тьма, словно ночь безпросвѣтная, нависла надъ Московскимъ царствомъ.

«Эта тьма невѣжества окутываетъ русскую землю», шепчетъ какой-то голосъ Ивану Федорову, и тоской сжимается сердце его, не видитъ онъ проблеска въ этой тьмѣ.

«Неужто всегда такъ будетъ? Неужто нѣтъ спасенья отъ этой темноты?» въ отчаяніи думаетъ онъ и пристально вглядывается въ непроницаемый мракъ, словно надѣется увидѣть въ немъ что-то. И вдругъ слабый, чуть замѣтный лучь свѣта блеснулъ въ этой тьмѣ... за нимъ другой, третій... лучи становились ярче, свѣтлѣе... вотъ ихъ уже много, они разгораются... но тьма борется со свѣтомъ... она словно плотнѣе надвигается на московскую землю, словно еще темнѣе кажется отъ этихъ проблесковъ свѣта... а свѣтъ все разгорается... уже со всѣхъ сторонъ сыплются на московскую землю яркіе, свѣтлые лучи, вотъ они слились въ одно огромное свѣтлое пятно, пятно растетъ съ каждымъ мгновеніемъ... оно ширится... оно отнимаетъ у тьмы все большее пространство, вотъ оно побѣждаетъ ее, тьма разсѣивается, уходитъ куда-то...

«Это свѣтъ знанія, шепчетъ, Ивану Федорову тотъ же голосъ, свѣтъ науки, свѣтъ просвѣщенія... сильна тьма невѣжества, но свѣтъ знанія сильнѣе ея. Видишь, онъ побѣждаетъ ее, онъ побѣдитъ ее, настанетъ это время»...

Съ сильно бьющимся сердцемъ просыпается Иванъ Федоровъ. Что за диковинный сонъ! Да сонъ ли это? Онъ вскакиваетъ съ лавки... Вся изба полна

свѣта, свѣтъ яркій, красноватый, словно отъ пламени, врывается въ слюдяныя оконца.

Иванъ Федоровъ не можетъ придти въ себя, не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ, сонъ ли это, на яву ли? А что это за звонъ, звонятъ такъ часто, словно въ набатъ.

—«Горитъ, друкарня горитъ!»—вдругъ раздался со двора отчаянный крикъ Петра Мстиславца.

Иванъ Федоровъ сразу очнулся. Опрометью бросился онъ въ сѣни, изъ сѣней на дворъ... друкарня съ двухъ сторонъ была объята пламенемъ... только дверь и крыльцо были еще свободны отъ огня. Иванъ Федоровъ, не обращая вниманія на крики Петра Мстиславца, который останавливалъ его, бросился къ двери, быстро отперъ ее и скрылся въ друкарнѣ. Черезъ мгновенье онъ появился на крыльцѣ съ ящиками въ рукахъ. Бросивъ ихъ Петру Мстиславцу, онъ хотѣлъ было снова бѣжать въ друкарню, но въ эту минуту раздался трескъ бревенъ, пламя ворвалось въ дверь, запылало крыльцо. Нечего было и думать о спасеньи типографскаго станка.

— Бѣжимъ скорѣй,—шепталъ Петръ Мстиславецъ,—злодѣи подожгли друкарню, они убьютъ насъ... бѣжимъ черезъ задній дворъ...

Иванъ Федоровъ словно окаменѣлъ. Остановившимися глазами глядѣлъ онъ прямо передъ собой, глядѣлъ на это яркое пламя, которое безпощадно губило труды его рукъ, его друкарню, его станокъ, его литеры, отпечатанные листы Евангелія...

«Колдунъ, чернокнижникъ»,— раздавались голоса съ улицы.—«Самъ Богъ покаралъ тебя за ересь, Самъ Богъ погубилъ дьявольское дѣло»...

Толпа, сбѣжавшаяся на пожаръ, громко кричала, проклиная Ивана Федорова и его друзей...

*

Ненастное пасмурное утро поднималось на другой день надъ Москвой. На томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера стояло зданіе печатнаго двора, теперь лежали только кучи пепла, да кое-гдѣ валялись обгорѣлыя бревна.

Накрапывалъ мелкій дождь. Небольшая кучка людей, толкалась на пожарищѣ... она съ жаднымъ любопытствомъ слушала то, о чемъ разсказывала ей старая старуха, разгребая пепелъ своей палкой:

— Сама, милые мои, видѣла, своими глазынками видѣла его... какъ охватило полымемъ-то печатный дворъ, изъ избы-то сперва дымъ повалилъ, а потомъ гляжу, и онъ полетѣлъ... изъ-подъ крыши, стало быть... а хвостъ у него длинный, предлинный; спервоначалу тихо такъ поднимался, а тутъ какъ взвился, да полетѣлъ, только его и видѣла...

— Да кто полетѣлъ-то, про кого сказываешь?—спросилъ только-что подошедшій къ пожарищу мужчина...

— Вѣстимо, кто, самъ дьяволъ полетѣлъ,—увѣренно говорила старуха,—на печатномъ дворѣ ему прибѣжище было, а тутъ, стало быть, огнемъ-то его и выгнало...

— Давно бы такъ, давно бы надо было печатный дворъ спалить, только грѣхъ одинъ, одна ересь, заговорили въ толпѣ...—Къ чему онѣ, печатныя книги, и безъ нихъ сколько вѣковъ жили...

— А Иванъ-то Федоровъ, сказываютъ, сгинулъ, словно въ воду канулъ; какъ рухнулъ вчерась печатный дворъ, народъ побѣжалъ къ избѣ ихней, а ужъ ихъ и слѣдъ простылъ, ни Ивана Федорова, ни Петра Мстиславца, никого не нашли, а тутъ и изба ихъ занялась...

Долго еще надъ пепелищемъ раздавались невѣжественныя, безсмысленныя рѣчи темныхъ людей. Казалось имъ, что они совершили хорошее, богоугодное дѣло, спаливъ печатный дворъ со всѣми принадлежностями книгопечатнаго дѣла.

Въ это же самое ненастное утро по Смоленской дорогѣ, направляясь къ югу, шли два человѣка. Дождь немилосердно мочилъ ихъ, но они не обращали на него вниманія и шли быстро, словно торопились куда... Это были Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ. Спасаясь отъ злобы невѣжественной толпы, они покидали Москву...

Страшныя минуты пережилъ Иванъ Федоровъ, стоя передъ пылающей друкарней; въ порывѣ отчаянія онъ самъ чуть не бросился въ огонь. Но минуты малодушія прошли. Непреклонной волей надѣлила судьба перваго русскаго печатника. «Когда же будутъ васъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой»—эти слова Евангелія нашли жи-

вой откликъ въ его душѣ, указали ему путь... Пускай темные люди погубили печатный дворъ въ Москвѣ. Свѣтъ великъ, найдутся люди, которые примутъ его, признаютъ великое значеніе книгопечатанія, помогутъ ему, и не погибнетъ славное дѣло... И быстро шелъ онъ впередъ, словно боялся потерять драгоцѣнное время, и прежней вѣрой горѣли его глаза, а въ душѣ поднимались новыя надежды на успѣхъ дѣла.

ГЛАВА VIII.

Иванъ Федоровъ въ Польшѣ.—Смерть перваго печатника.

Куда же направились первые печатники? Они бѣжали въ Польшу. Польскій король и паны милостиво приняли бѣглецовъ, а литовскій вельможа, князь Хоткевичъ, въ своемъ имѣніи Заблудовѣ устроилъ типографію и пригласилъ въ нее московскихъ печатниковъ. Но скоро знатный вельможа охладѣлъ къ печатному дѣлу и приказалъ Ивану Федорову прекратить работу. Петръ Мстиславецъ ушелъ въ городъ Вильно. Пригласили его туда для устройства типографіи тамошніе богатые люди и съ тѣхъ поръ объ немъ уже ничего не было слышно... Ивану же Федорову Хоткевичъ подарилъ деревню съ тѣмъ, чтобы тотъ жилъ въ ней, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Но Иванъ Федоровъ отказался отъ подарка.

— Не пристало мнѣ,—говоритъ онъ,—коротать жизнь свою за плугомъ и заниматься сѣяніемъ

сѣмянъ земныхъ; духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной, духовную пищу раздавать всѣмъ.

И, отказавшись отъ покойной, сытой жизни, воодушевляемый однимъ только желаніемъ приносить пользу людямъ печатаніемъ книгъ, Иванъ Федоровъ ушелъ въ городъ Львовъ *).

Здѣсь ожидали его «скорби» и «бѣды». У него не было средствъ на заведеніе типографіи, и онъ обратился съ просьбой о помощи къ богатымъ людямъ.

— «Помолившись, я приступилъ, — говоритъ онъ, — къ наверстанію богоизбраннаго сего дѣла, обходилъ богатыхъ и благородныхъ людей міра сего, просилъ у нихъ помощи и, метаніе сотворяя, становился на колѣни и кланялся въ землю, сердечно каплющими слезами омывалъ ихъ ноги. Не однажды это было, не дважды, но много разъ; и, наконецъ, въ церкви убѣдилъ священниковъ объявлять всенародно о моемъ предпріятіи. Все было напрасно: не выпросилъ я ничего умиленными рѣчами, не вымолилъ ничего многослезнымъ рыданіемъ!..

Однако Иванъ Федоровъ не падалъ духомъ. Послѣ долгихъ усилій, ему удалось, наконецъ, собрать небольшую сумму, на которую онъ открылъ типографію и приступилъ къ напечатанію «Апостола». Но крайняя бѣдность вскорѣ заставила Ивана Федорова заложить типографскій станокъ, и вотъ онъ опять идетъ искать счастья.

---

*) Городъ Червонной Руси или Галиціи.

Поработавъ въ типографіи кіевскаго воеводы, Константина Острожскаго, извѣстнаго ревнителя православія, онъ снова возвратился въ г. Львовъ, съ тѣмъ, чтобы завести тамъ свое дѣло. Но смерть уже сторожила его.

Иванъ Федоровъ умеръ 5 декабря 1583 года. Умеръ въ крайней бѣдности, всѣми забытый, покинутый, вдали отъ своей родины. Добрые люди похоронили его на кладбищѣ православнаго львовскаго братства, и на могилу его положили длинную четыреугольную каменную плиту съ надписью: «воскресенія изъ мертвыхъ чаю; друкарь книгъ, предъ тѣмъ невиданныхъ»...

Но время не пощадило могилы перваго русскаго печатника. Отъ кладбища, гдѣ онъ былъ похороненъ, не осталось никакого слѣда, а каменная плита съ надписью была случайно открыта уже на помостѣ церкви св. Онуфрія въ городѣ Львовѣ. Очевидно, по упраздненіи кладбища, монастырь употребилъ надгробные камни на выстилку пола и на внутреннюю обшивку стѣнъ церкви. Но и эта каменная плита не сохранилась до нашихъ дней: въ 1883 году церковь поправляли, и, когда рабочій коснулся ломомъ надгробнаго камня перваго русскаго печатника, камень разсыпался въ мелкіе куски.

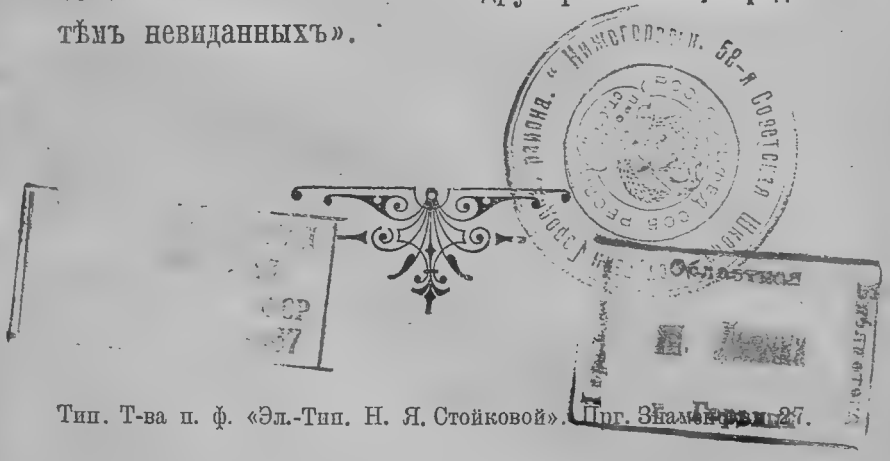
*

Болѣе 325 лѣтъ прошло съ той поры, какъ невѣжественные люди сожгли первый печатный дворъ въ Москвѣ. Они думали, что пламя пожара на-

всегда, уничтожить то славное дѣло, которое они считали колдовствомъ и ересью. Какъ слѣпы были эти люди въ своемъ невѣжествѣ! Они сожгли одну типографію, а на мѣсто ея, возникло много новыхъ. Искра, брошенная Иваномъ Федоровымъ въ сердца своихъ учениковъ, Никифора Тарасьева и Андроника Невѣжи, не погасла. Зараженные его вѣрой въ великое значеніе книгопечатанія, они продолжали въ Москвѣ его дѣло; они отдали ему всю жизнь свою и научили типографскому искусству московскихъ людей.

Книгопечатное дѣло росло и развивалось. Книги удешевились, образованіе стало доступно не однимъ только богатымъ людямъ. Совершается то, что представлялось Ивану Федорову въ его мечтахъ о будущемъ: просвѣщеніе распространяется по Руси.

Потомки тѣхъ людей, которые изгнали перваго печатника съ родины, съ глубокой благодарностью вспоминаютъ славное имя «друкаря книгъ, предъ тѣмъ невиданныхъ».



Тип. Т-ва п. ф. «Эл.-Тип. Н. Я. Стойковой». Прг. Знаменская, 27.

IV. Земля и люди.

88. Деноковичъ, К. *Къ Средиземному морю.* 40 к. **89. Лавровъ. М.** *Нужда учитъ.* 10 к. **90. Богдановскій, А.** *Какъ Петръ Захарычъ переселялся.* 20 к.

V. Исторія.

87. Царь Дарій и его царство. 15 к. **95. По Бульверу.** *Король Гарольдъ.* Историческая повѣсть въ двухъ част. Съ введеніемъ «Изъ исторіи Англіи». 50 к. **96. По Тьери и Диккенсу.** *Завоеватель и его наслѣдники.* 12 к. **99. Поліевктовъ, М.** *Владиміръ святой.* 12 к.

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ (кн. 101—120). Цѣна всей серіи 3 р. 20 к.

I. Повѣсти и разсказы.

101. Мордовцевъ, Д. Л. *Сердце не камень.* Со вступительн. статьею. *«200 лѣтъ назадъ».* 10 к. **102. Немировичъ-Данченко, В. И.** *Близнецы.* 15 к. **103. Немировичъ-Данченко, В. И.** *Пріемышъ отца Веденея.* 25 к. **104. Слѣпцова, М.** *Въ поискахъ за безсмертіемъ.* 5 к. **105. По Ибсену.** *Докторъ Штокманъ.* Повѣсть 30 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

114. Краббъ, Г. *Поздно.* Два разсказа. 12 к.

III. Естествознаніе.

106. Слѣпцова, М. *Взаимная помощь у животныхъ.* 10 к. **107. Слѣпцова, М., Станюковичъ** и др. *Тигръ.* 15 к. **113. Слѣпцова, М.** *Обманщики.* 8 к. **115. Лавровъ, М.** *Пожары.* 25 к. **116—117. Слѣпцова, М.** *Разгаданныя тайны изъ жизни растеній:* I. Какъ растенія поѣдаютъ насѣкомыхъ. 8 к. II. Слуги растеній. 10 к. III. Какъ растенія сѣютъ. 7 к.

IV. Земля и люди.

111. Смирновъ, А. П. *Вогулъ Никита.* 15 к.

V. Исторія.

108. Слѣпцовъ, А. *Маркъ Поло и его странствованія.* 25 к. **109. Слѣпцовъ. А.** *По морю до Индіи.* 25 к. **110. Слѣпцовъ, А.** *Какъ открыли Новый Свѣтъ.* 30 к. **112. Крыловъ, В. Н.** *Господинъ великій Новгородъ.* 25 к. **119. Оксъ, В. Б.** *Дѣва орлеанская.* 20 к.

СЕРІЯ ЧЕТВЕРТАЯ (кн. 121—140). Цѣна всей серіи 3 р. 8 к.

121. Слѣпцова, М. *Комаръ.* 8 к. **122. Оршешко, Э.** *Коробейникъ.* 10 к. **123. Конопницкая, М.** *Жидъ.* 5 к. **124. Слѣпцова, М.** *Счастливый день* (изъ быта чукчей). 10 к. **125. Слѣпцова, М.** *Остановка* (изъ быта коряковъ). 8 к. **126. Слѣпцова, М.** *Женитьба Михайлы* (изъ быта якутовъ). 10 к. **127. Слѣпцова, М.** *У остяковъ* 10 к. **128. Слѣпцова, М.** *Съ весны до весны* (бытъ лопарей). 15 к. **129. Киплингъ, Р.** и др. *Эскимосы.* 20 к. **130.** *Москва и Тверь* (историческая повѣсть). 35 к. **131. Коропчевскій, Д.** *Древніе люди.* 20 к. **132. Коропчевскій, Д.** *Дикіе люди* 25 к. **133. Исаевъ, М.** *Первый разъ вокругъ свѣта.* 20 к. **134. Нарская, В.** *Швейцарія и швейцарцы.* 40 к. **135.** *Швейцарскіе разсказы* 8 к. **136. Львова, Л.** *На своихъ ногахъ* (изъ жизни самоѣдовъ). 20 к. **137. Лодлау.** *Стрѣлочникъ Лизъ.* 7 к. **138. Слѣпцова, М.** *Кто побѣдилъ* (изъ исторіи воздухоплаванія). 10 к. **139. Эліотъ, Дж.** *Не въ деньгахъ счастье.* 10. к. **140.** *Вильгельмъ Телль.* 20 к.

СЕРІЯ ПЯТАЯ (кн. 141—160). Цѣна всей серіи 2 р. 14 к.

141. *Дѣти Ревекки.* 10 к. **142. Форестье.** *Калѣка.* 10 к. **143. Лодлау.** *Малолѣтокъ* 5 к. **144. Шатріанъ.** *Исторія одного крестьянина.* 15 к. **145. Шатріанъ.** *Рекрутъ 1813 г.* 10 к. **146. Шатріанъ.** *Тереза.* 12 к. **147.** *При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.* 15 к. **148. Мичурина.** *Кошка.* 8 к. **149. А. С.** *Бесѣды о землѣ и небѣ.* 20 к. **150. Франко, И.** *У окна.* 8 к. **151. Прусэъ, Б.** *Слимакъ.* 15 к. **152. Гюго, В.** *Возставшій рабъ.* 15 к. **153. Додэ, А.** *Необдуманный поступокъ* 8 к. **154. Слѣпцова, М.** *Защита жизни,* 8 к. **155. Слѣпцова, М.** *Морскія чудеса.* 8 к. **156. Копъ.** *Общество клѣтокъ.* 6 к. **157. Слѣпцова, М.** *За золотомъ по Амуру.* 8 к. **158. Шрейнеръ, О.** *Петръ Хельгетъ.* 7 к. **159.** *Гусь.* 13 к. **160.** *Гуситы.* 13 к.

67

СЕРІЯ ШЕСТАЯ (кн. 161—180). Цѣна всей серіи 2 р. 31 к.

161. Гаршинъ, В. *Медвѣди.* 5 к. **162. Златоратскій, Н.** *Деревенскій Авраамъ.* 11 н. **163. Пруссъ, Б.** *Антекъ.* 9 к. **164. Гомулицкій, В.** *Въ бричкѣ.* 7 к. **165. Стуартъ, А.** *Парусъ.* 11 н. **166. Волкова, Е.** *Русскій печатникъ.* 12 к. **167. Рукавишниковъ, Г.** *Ключъ къ свѣту (Гутенбергъ).* 8 к. **168. Слѣпцовъ, А.** *Бироновщина.* 12 к. **169.** *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 2-ая. 8 н. **170.** *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 3-ья. 10 к. **171.** *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 4-ая. 15 н. **172. Дмитріева, В.** *Человѣкомъ сталъ.* 7 к. **173. Бахтіаровъ, А.** *Листъ бумаги.* 12 к. **174. Слѣпцова, М.** *Оживившее яйцо.* 15 к. **175. Лавровъ, М.** *Прежде и теперь.* 12 к. **176. Бахтіаровъ, А.** *Стекло.* 15 к. **177. Нарская, В.** *Страна утренняго покоя (Корея).* 30 к. **178. Д-ръ Щепинскій, А.** *Живой свѣтъ.* 12 к. **179. Конъ.** *Друзья и враги.* 12 к. **180. Слѣпцова, М.** *Водакормилица.* 10 к.

СЕРІЯ СЕДЬМАЯ (кн. 181—200). Цѣна всей серіи 3 р. 26 к.

181. Гринвудъ, Д. *Маленькій оборвышъ.* 25 к. **182. Зандъ, Ж.** *Страшный великанъ.* 8 н. **183. Ибаньесъ, Б.** *Проклятое поле.* 8 к. **184. Конопницкая, М.** *Юзикъ.* 8 к. **185. Честеръ, Дж. и Ледлау, Дж.** *Двѣ стачки.* 12 к. **186.** *Раздумье.* Кн. 2-я. 8 к. **187. Фаворскій, В.** *Пчелы.* 5 к. **188—189. Нарская, В.** *Японія и японцы.* 2 кн., по 20 к. **190.** *Добрый смѣхъ—на грѣхъ.* Кн. 3-я. 15 к. **191. Святловскій, Е.** *Дитя солнца.* 10 к. **192. Слѣпцова, М.** *Завоеваніе Мексики.* 25 к. **193. Табуршъ, М.** *Золотой ноготь.* 40 к. **194. Шарковъ, В. В.** (б. зем. агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Сѣверныя губерніи. 18 к. **195. Шарковъ В. В.** (б. зем. агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Средніе губерніи. 18 к. **196. Шарковъ, В. В.** (б. зем. агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Южныя губерніи 18 к. **197. Святловскій, Е. Е.** *Муха.* 15 к. **198. Агинскій, Б. Р.** *Борисъ Годуновъ* и *Лжедимитрій I.* (Смутное время въ Московскомъ Государствѣ). Книжка 1-ая. 20 к. **199.** *Борцы за вѣру* (Гугеноты). 18 к. **200. Слѣпцова, М.** *Голосистые вѣстники весны.* 15 к.

СЕРІЯ ВОСЬМАЯ (кн. 201—220). Цѣна всей серіи 2 р. 64 к.

201. Мультатули. *Саидья съ о-ва Явы.* **Бретъ Гартъ.** *Счастье Ревущаго стана.* 8 к. **202. Маркъ Твенъ и др.** *Кружокъ смерти. Сидѣлка. Дрянной мальчишка.* 10 к. **203. Б. Р. Агинскій.** *Царь Василій Шуйскій и Тушинскій Воръ.* 13 к. **204. А. Ирасекъ.** *Пѣсьи головы.* (Истор. повѣсть). 28 к. **205. Н. Виташевскій.** *Вѣрованія первобытнаго человѣка.* 15 к. **206. В. Нарская.** *Голландія и голландцы.* Книжка 1-ая. 15 к. **207.** *Тоже.* Книжка 2-ая. 20 к. **208. Клапъ.** *Жизнь маленькаго голландскаго городка.* 7 к. **209. А. Грушецкій.** *Тамъ, гдѣ кончается Висла.* (Повѣсть). 30 к. **210.** *Изъ жизни.* Сборн. стихотвореній. 22 к. **211. Д. Ледлау.** Гризель съ рынка. 6 к. **212. Уйда, Бретъ Гартъ.** *Свадебное блюдо. Крошка.* 12 к. **213. Джекъ Лондонъ. Эйльбэкъ.** *«Руби» и Руби. Патруль.* 10 к. **214. А. Дроздовичъ.** *По воронъ.* 5 к. **215.** *Стихотворенія.* (Къ войнѣ). 10 к. **216. Э. Золя.** *Осада мельницы.* **А. Додэ.** *Послѣдній урокъ.* 8 к. **217. М. Слѣпцова,** *Австрійскіе поляки.* 10 к. **218. В. Маргеритъ.** *Водная Страна.* 15 к. **219. М. Слѣпцова.** *Черногорія.* 12 к. **220. по Золя.** *Взятіе Базейля* (изъ Фр.-Пр. войны) 8 к.

Дальнѣйшія книжки печатаются.

Напечатана «ДЛЯ МЛАДШИХЪ» книжка перваго возраста. Цѣна 40 к.
(Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ школы и читальни).

Главный складъ *и редакція изданій М. Н. Слѣпцовой (Петроградъ, Симбирская, 12).*

Изданіе «Книжка за книжкой» удостоено **высшей награды** на первой земской выставкѣ по народному образованію въ г. Курскѣ въ 1902 г. и **большихъ серебряныхъ медалей** на выставкахъ «Сѣверный край» въ Ярославѣ (1903 г.) по техническому образованію (1903 г.) и «Дѣтскій міръ» (1904 г.) въ Петроградѣ; **золотой медали** на международной выставкѣ въ Парижѣ (1904 г.) **большой серебряной медали** на выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка» (1909 г.) въ Петроградѣ, **большой серебряной медали** на Всероссійской выставкѣ (1913 г.) въ г. Кіевѣ.

Кн. 166-ая. **Цѣна 12 к.**

Типографія Т-ва п.ф. „Элект.-Тип. Н. Я. Стойковой". Петроградъ. Знаменская, 27.